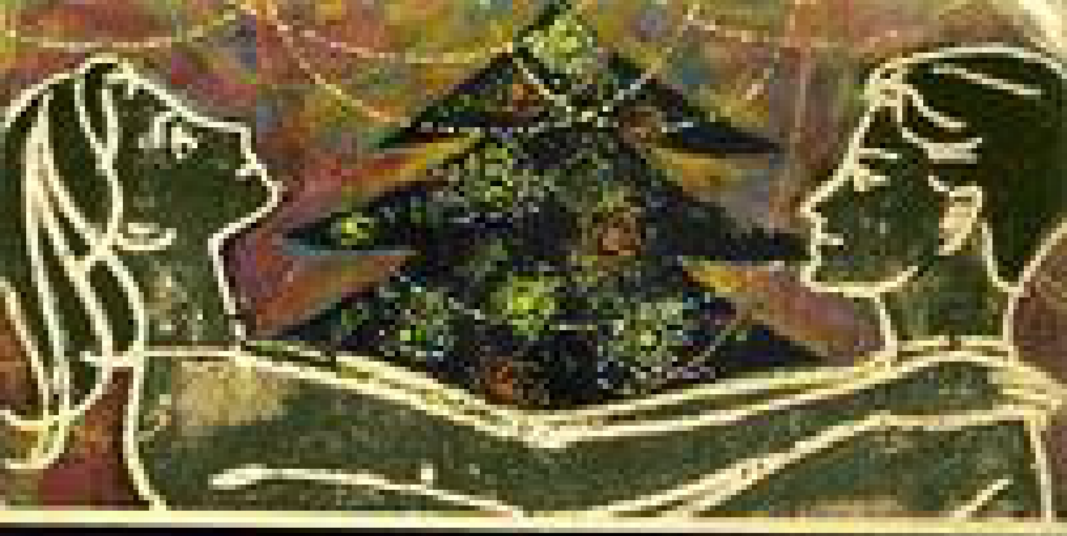

ЮНОСТЬ

12
1966

SHOUT
SHARE
IT

- Юрий ЛЕВИТАН

Юрий ЛЕВИТАН
Говорит Москва!.

Юрий Левитан. (Июль 1941 года).

У меня плохая память. События десятилетий сплелись в единый клубок, и разделить нити отдельных эпизодов чаще всего я не в силах; путаю имена, даты. К горькому моему сожалению, я не вел никаких записей — и это тем более жаль, что порой я был свидетелем событий, которые без преувеличения могут быть названы историческими.

Итак, никаких надежд написать когда-нибудь мемуары у меня нет. И я уже смирился с этой мыслью. Но вот однажды, много лет спустя после войны, я выступал в Ленинграде. Как-то само собой случилось, что я прочел публике давнюю сводку Совинформбюро о прорыве блокады Ленинграда. Я воспроизвел не только текст, но все нюансы той интонации, с которой читал эту же сводку в сорок третьем году. И увидел, что многие в зале плакали, а у меня самого вдруг пошли по телу мурашки. Мы все будто окунулись в атмосферу тех тяжких лет, как если бы вернулся давно минувший день… Тогда я понял, что если мне не дана

память на имена и события, то я обладаю профессиональной памятью на все, что связано со спецификой моей работы радиодиктора. Подобно актеру (а я, кстати, учился в театральном училище), я могу восстановить текст, воспроизвести интонацию, передать настроение, которое было когда-то.

Я стал этим пользоваться — очень нечасто, очень осторожно. И вот по мере того, как на каких-нибудь встречах или концертах, где собирались и ветераны фронта, и молодежь, я читал по памяти сводки Советского Информбюро и, как мне кажется, создавал у слушателей то настроение, которое когда-то с чуткостью барометра отражало состояние дел на фронтах войны, все больше и больше различных подробностей всплывало в моей памяти. Оказалось, что дело обстоит не так уж бедственно, что я помню значительно больше, чем предполагал. Очевидно, есть события такой силы и значения, что их не могут вытравить годы из самой слабой памяти.

…Война началась для меня со звонка из радиокомитета: "Срочно бегите на работу! Немедленно!" Голос тревожный. Но спрашивать, что случилось, по телефону не полагается. Одеваюсь. Бегу.

Радиокомитет. Семь утра. Тихий женский плач, суровые взгляды. Наперебой звонят корреспонденты из разных городов:

— Киев бомбят!..

— Над Минском вражеские самолеты…

— Горит Каунас… Что говорить населению? Почему нет никакого сообщения по радио?

Позвонили из Кремля: "Готовьтесь, в двенадцать часов правительственное сообщение".

Девять раз за день — с интервалами в час — я читал это небольшое трагическое сообщение, начинавшееся словами: "Граждане и гражданки Советского Союза!. Сегодня в четыре часа утра… без объявления войны германские войска напали на нашу страну…"

Я помню мажорный и гордый тон в эфире времен первых пятилеток: "Пущен Днепрогэс!", "Введена в строй первая домна Магнитки!", "Всем, всем, всем! Беспримерный перелет Чкалова через Северный полюс!".

22 июня голос Московского радио зазвучал сурово, сдержанно, мужественно. В нем было и горе, и вера, и надежда. В те дни мы все почувствовали такую ответственность на своих плечах, о которой прежде и не подозревали. Судите сами…

В июле немецкая авиация начала налеты на Москву. Мы работали тогда в здании Центрального телеграфа. Читаешь сводку — и вот даже сквозь изоляцию студии слышишь

пронзительный вой сирены: воздушная тревога! Отдаленный гул, подрагивание стен — и в этой обстановке нужно полностью сохранить спокойствие и сосредоточенность. Передачи не прекращались.

Во время очередного налета бомба угодила во двор радиокомитета, — правда, не разорвалась. Здание задрожало, посыпались стекла, свет погас. У нас были включены приемники, и мы услышали, как берлинские дикторы на фоне маршей истерически выкрикивали последнее известие: московский радиоцентр разрушен!

Он действительно смолк. На десять — пятнадцать минут. А потом при свете нескольких лампочек от аккумуляторных батарей мы продолжали передачи, водя лучом по строчкам текста.

А сводки были одна другой тревожнее и малоутешительнее. В Москве уже был слышен отдаленный гул орудий. Берлинское радио передавало слова Гитлера о том, что "германское наступление на столицу большевиков продвинулось так далеко, что можно уже рассмотреть внутреннюю часть Москвы в бинокль".

Все население — старики, дети, домохозяйки — вышло на сооружение оборонительных рубежей. Мосты были покрыты надолбами. Витрины магазинов обложены мешками с песком. В небе висели заградительные аэростаты, Движение после 24 часов было разрешено только по специальным пропускам. Улицы погружены в темноту, окна завешены. Курить на улице было запрещено.

Вещание было у нас до часу ночи и с шести утра. Но и в этот перерыв мы вели специальные передачи на Восток, учитывая разницу во времени.

Когда я шел в радиокомитет или возвращался к себе в гостиницу "Москва", где тогда жил, то нередко замечал две-три тени, незаметно сопровождавшие меня на улице. Оказывается, меня охраняли.

Мои друзья из редакции журнала "Юность", по просьбе которых я и пишу эти строки, спрашивали меня: было ли мне в те годы известно, что гитлеровцы назначили за мою голову денежную награду? Ну, что мне ответить? Да, военные товарищи, приезжавшие с фронта в Москву, показывали мне и такого рода листовки. В одной из них, в частности, было обещано двести тысяч марок тому, кто доставит меня живым в Берлин. Дело тут заключается не в том, что как раз моя голова расценивалась высоко. Насколько я в курсе событий, кто-то в геббельсовском министерстве пропаганды хотел, чтобы именно диктор Московского радио оповестил из Берлина весь мир о падении Москвы и капитуляции России, которую гитлеровцы ожидали со

дня на день. Иезуитская затейка!

Время действительно было крайне тяжелым. Изо дня в день нам приходилось читать в эфир все более неутешительные сводки.

Вот одна из них: "В течение ночи с 14 на 15 октября положение на Западном направлении фронта ухудшилось. Немецко-фашистские войска бросили против наших частей большое количество танков, мотопехоты и на одном участке прорвали нашу оборону". Невыносимо больно было читать в эти дни сводки. Одно из сообщений гласило: "Объявить Москву на осадном положении". С трудом собираю силы. Включаю микрофон — и боюсь начать…

Не дай бог, чтобы дрогнул голос. Не дай бог, чтобы в нем прозвучала паника, растерянность, смятение. Ведь это будет замечено всеми и вызовет аналогичную реакцию, ибо голос Москвы был как голос сердца… И, что бы мы там ни испытывали, как бы ни страдали и ни терялись, голос Московского радио должен быть независимым от этих эмоций. Он должен был оставаться суровым и мужественным, вселяющим, нет, не просто надежду, а уверенность в победе. Он должен придавать силы, а не убавлять их. Он должен был заставить забыть даже об усталости, о ранах, о боли. Наконец, он должен был вселять ненависть, священную ненависть к врагу и жажду борьбы до последней капли крови.

Вот в чем была великая сложность дикторской работы, почти неведомая нам дотоле. Как мы с нею справлялись?

Превосходство врага в танках и авиации было явным. Скажем, на Волоколамском шоссе уничтожили семь танков противника, но ведь там их было сотни! И если в небе было сбито девять немецких самолетов, то ведь это из тысяч! Но важно было тоном, тембром, модуляцией всячески подчеркнуть, как мужественно борются наши бойцы за каждую пядь земли, — и это мужество должно быть заразительным. Поэтому цифры читались с такой гордостью, с таким подъемом, как если бы были сожжены не семь, а семьдесят танков и сбиты не девять, а девяносто самолетов. Мы знали, что, уходя по горьким дорогам отступления, наши воины сражались до последнего патрона, и их беспредельное мужество диктовало нам твердую уверенность в победе, которая звучала в тоне наших передач.

И вот пришел памятный декабрьский день. Это было четверть века назад, но если бы минуло в три раза больше времени, мы, радиодикторы тех лет, помнили бы его так же, как сегодня. Ибо это был день первой большой победы в цепи тяжких поражений. В тот день Московское радио передало историческое сообщение о

том, что "войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок…".

О, я очень бы хотел сейчас услышать, каким голосом читалось тогда это сообщение в эфир. Но записей на пленку в те годы не делали. Читали прямо с листа бумаги, нередко испещренной десятками помарок и вписок. А ошибаться — как саперу — было нельзя…

Несколькими днями позже Московское радио уже сообщало, что освобождено более четырехсот населенных пунктов, что контрнаступление растет. Мы, дикторы, стали получать письма с фронта. Все больше и больше. Солдаты писали: "Идем вперед. Берегите голос. Работы вам прибавится".

И действительно, работы прибавилось. Каждый день с нетерпением — скорей, скорей — в студию. Придвигаешь микрофон. Залпом — стакан воды. Расстегиваешь ворот рубашки: "В последний час… Взят Можайск… Еще удар… Фронтальная атака… прорвана оборона"…

Незабываемые сообщения, изумительные слова. Читали сводки по шесть, по восемь раз в день. Но если бы и по пятнадцать — разве устанешь? Как пробежишь глазами строки, так пропадает всякий намек на усталость.

Конечно, еще предстояла долгая дорога до того дня, когда над рейхстагом вознеслось знамя нашей победы. Еще впереди были многие горести, утраты, смерти. Но стало ясно главное: гитлеровскую армию можно бить, легенда о ее непобедимости скончалась… Об этом ежедневно говорили сводки с фронта.

Радиокомитет работал круглосуточно. Репродукторы в домах и на улицах не выключались ни днем, ни ночью. Без радио в то время жить было нельзя. Без радио и без слов: "Говорит Москва… Наступление наших войск продолжается"…

Цитируемое издание: журнал "Юность", № 12, 1966 г., стр.62–63.